

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-742-756

Заемствованная буддийская лексика бурятского языка в историко-лингвистическом освещении

Дарима Шагдууровна Харанутова¹, Лариса Батуевна Будажапова²,
Николай Сергеевич Байкалов³

¹ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент

 0000-0001-5692-5393. E-mail: dkharanutova[at]mail.ru

² Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0001-6987-7255. E-mail: budlara[at]mail.ru

³ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент

 0000-0002-2511-9003. E-mail: baikalov[at]bsu.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Харанутова Д. Ш., Будажапова Л. Б., Байкалов Н. С., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена буддийским терминам, представляющим значительный пласт в лексической системе бурятского языка. Заемствованная буддийская лексика бурятского языка — это результат проникновения буддийских терминов в бурятский язык, растянувшегося на века. Он не был равномерным, у него, как и у любого процесса, были периоды спада и активности. Безусловно, заимствование буддийских терминов — следствие развития буддологических идей. Основная *цель* исследования — описать особенности заимствованных буддийских терминов, являющихся итогом неразрывной связи процесса их проникновения в бурятский язык и истории распространения буддизма у монголоязычных народов. В *задачи* исследования входит: 1) обоснование периодов активизации проникновения буддийских терминов в лексикологическую систему бурятского языка на историческом фоне; 2) краткое историко-лингвистическое описание периодов массового проникновения буддийских терминов; 3) выявление особенностей семантики отдельных заимствований, принадлежащих разным периодам заимствования и разным языкам-донорам. *Результаты.* На основе исторических и лингвистических фактов авторы обосновывают правомерность выделения периодов проникновения буддийских терминов, связанного с периодами интенсивного развития буддизма. Исследование показало, что в первый период заимствований буддийских терминов бурятского языка их проводниками являлись согдийский и уйгурский языки: из санскритского и тибетского буддийские термины попадали в согдийский, затем в

уйгурский. И только после уйгурского они проникали в монгольские языки через старописьменный монгольский язык. Во втором периоде буддийские термины напрямую приходили из тибетского языка в бурятский, в некоторых случаях посредником являлся монгольский язык. Третий период активизации проникновения буддийских терминов характеризуется возрождением ранее заимствованных слов. Авторы приходят к *выводу*, что особенности буддийских терминов зависят от языка-донора, при этом немаловажную роль играют и те пути, по которым они пришли в бурятский язык: напрямую или через язык-посредник, устным или письменным путем.

Ключевые слова: заимствование, буддийская лексика, бурятский язык, периодизация распространения буддизма и заимствования, старописьменный монгольский язык, согдийский язык, уйгурский язык, тибетский язык

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованию в рамках проекта «Краткий толковый бурятско-русский словарь буддийских терминов» (№ 45/2023).

Для цитирования: Харанутова Д. Ш., Будажапова Л. Б., Байкалов Н. С. Заимствованная буддийская лексика бурятского языка в историко-лингвистическом освещении // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 742–756. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-742-756

Borrowed Buddhist vocabulary of the Buryat Language: a Perspective from History and Linguistics

Darima Sh. Kharanutova¹, Larisa B. Budazhapova², Nikolay S. Baikalov³

¹ Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-5692-5393. E-mail: dkharanutova[at]mail.ru

² Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-6987-7255. E-mail: budlara[at]mail.ru

³ Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-2511-9003. E-mail: baikalov[at]bsu.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Kharanutova D. Sh, Budazhapova L. B., Baikalov N. S., 2023

Abstract. Introduction. The article is devoted to Buddhist terms, which represent a significant layer in the lexical system of the Buryat language. The borrowed Buddhist vocabulary of the Buryat language is the result of the entering process of Buddhist terms into the Buryat language taken place over centuries. It was not stable, it, like any process, had periods of decline and activity. Of course, borrowing of Buddhist terms is a consequence of the development of Buddhist ideas. The main *purpose* of the study is to describe the features of borrowed Buddhist terms, which are the result of an inextricable connection between the process of their appearing in the Buryat language and the history of Buddhism popularization among the Mongolian-speaking peoples. The *objectives* of the study include: 1) justification

of intensification periods of entering the Buddhist terms into the lexicological system of the Buryat language against a historical background; 2) a brief historical and linguistic description of periods of the mass appearance of the Buddhist terms; 3) identification of the peculiarities of the semantics of individual borrowings belonging to different periods of borrowing and different donor languages. *Results.* Based on the historical and linguistic facts, the authors justify the validity of the allocation of periods of appearing of Buddhist terms associated with periods of intensive development of Buddhism. The study showed that in the first period of borrowing Buddhist terms of the Buryat language, their guides were the Sogdian and Uighur languages: from Sanskrit and Tibetan they fell into Sogdian, then into Uighur. It was only after Uighur that they appeared in the Mongolian languages through the old-written Mongolian language. In the second period, Buddhist terms came directly from the Tibetan language to the Buryat language, in some cases the Mongolian language was the intermediary. The third period of intensification of the appearance of Buddhist terms is characterized by the revival of previously borrowed words. The authors conclude that the features of Buddhist terms depend on the donor language, while the roads along which they came to the Buryat language also play an important role: directly or through an intermediary language, orally or in writing.

Keywords: borrowing, Buddhist vocabulary, Buryat language, borrowing periodization, old-written Mongolian language, Sogdian language, Uighur language, Tibetan language

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the project of the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research No. 45/2023 “A short explanatory Buryat-Russian dictionary of Buddhist terms”.

For citation: Kharanutova D. Sh., Budazhapova L. B., Baikalov N. S. Borrowed Buddhist Vocabulary of the Buryat Language: a Perspective from History and Linguistics. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 742–756. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-742-756

1. Введение

В развитии и обогащении словарного состава бурятского языка огромную роль играет заимствование буддийской лексики, тесно связанное с историей распространения буддизма. Большинство буддийских заимствований, которыми располагает бурятский язык, передают свойства и качества, приобретенные ими во время непростого миграционного пути.

Следует отметить, что в монголоведении уделялось особое внимание процессу заимствования буддийской лексики, рассматривались вопросы языка-источника (см. работы Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 2005], Г. Д. Санжеева [Санжеев 1953; Санжеев 1960], А. М. Позднеева [Позднеев 1993] и др.). Вопросы структуры, семантики буддийских заимствований бурятского языка неоднократно поднимались в работах Л. Б. Будажаповой и Д. Ш. Харанутовой [Будажапова 2012; Будажапова, Харанутова 2020; Будажапова, Харанутова 2023; и др.].

Ранее нами предпринималась попытка установления периодизации процесса заимствования буддийских слов в бурятском языке [Будажапова, Харанутова 2023], в настоящей статье представлены материалы для ее обоснования, помимо лингвистических фактов приводятся и исторические.

Основной целью исследования является выявление особенностей процесса заимствования буддийских терминов, который рассматривается в неразрывной связи с историей распространения буддизма у монголызычных народов. К основным задачам исследования относим обоснование периодов массового проникновения буддийских терминов в бурятский язык, их краткое описание,

выявление особенностей семантики отдельных заимствований, принадлежащих разным периодам заимствования и разным языкам-донорам. При рассмотрении буддийских заимствований актуален вопрос о языке-источнике, языках-посредниках, так как каждый контактируемый язык привносит свои изменения в мигрирующую языковую единицу.

2. Источники исследования

Сбор и систематизация буддийской лексики бурятского языка проводились нами на основе лексикографических работ Д. Дагвадорж [Дагвадорж 1995], О. Сухбаатара [Сухбаатар 1999], Л. Н. Намжилон [Намжилон 1996], Л. Д. Шагдарова¹ и др. Материалами для исследования также послужили языковые сведения, содержащиеся в религиозно-этнографических исследованиях бурятских и монгольских ученых, в историко-этнографических трудах, в некоторых архивных документах.

3. Периодизация истории буддизма в Бурятии

Понадобилось несколько веков, чтобы буддизм получил широкое распространение среди бурят. Развитие буддизма на территории Бурятии представляет собой неравномерный процесс с периодами активности и спада. Период наибольшей активности заимствования буддийских терминов наблюдается во время массового распространения буддизма.

На основе исторических данных можно выделить условные периоды распространения буддизма и буддийских терминов в Бурятии: первый период датируется от конца XIII в. – начала XIV в. до конца XVI в., второй период — от XVI до начала XX вв., третий период (новейший) — от конца XX – начала XXI вв. до сегодняшнего времени.

3.1. Первый период (от конца XIII в. – начала XIV в. до конца XVI в.)

Современные монгольские исследователи придерживаются периодизации истории буддизма в Монголии согласно Зава Дамдину²: ранний — от эпохи хунну до Чингис-хана, средний — от Чингис-хана и Юань (буддизм преимущественно был распространен в форме тибетской школы Сакья), следующий — с XVI в. (в форме школы гелуг). Данная периодизация, по мнению Ц. П. Ванчиковой, поддерживается археологическими данными [Ванчикова 2019: 13].

Буддизм как религиозное и философское учение возник между VI и IV вв. до н. э. на территории современной Индии, затем распространился на страны Индокитая, Центральной и Юго-Восточной Азии. Распространение буддизма у монгольских народов тесно связано с Китаем.

Проникновение буддизма в Китай специалисты относят к первой половине I в. н. э. Первое упоминание буддизма в китайских источниках связано с импера-

¹ С 1994 по 1996 гг. ежемесячно в газете «Буряад Үнэн» выходила рубрика «Буддын шажанай нэрэ томьёонууд» («Буддийские термины»), где публиковались словарные статьи буддийских слов (автором-составителем являлся Л. Д. Шагдаров). В [БРС 2006] и [БРС 2008] имеются словарные статьи буддийской терминологии, выполненные под редакцией Л. Д. Шагдарова.

² Шагдарын Зава Дамдин — знаменитый монгольский ученый-лама, автор работы «Золотая книга / Алтан дэвтэр» — одного из наиболее ценных источников по истории буддизма в Монголии.

тором Ханьской династии Мином (58–79 гг.), которому якобы во сне привиделся Будда, после чего он пригласил в страну первых буддийских монахов. По мнению историков, буддийские миссионеры могли попасть в Китай из Центральной Азии, часть которой находилась под контролем буддийской Кушанской династии, через Дуньхуан и Ганьсу, или из северной Индии через Ассам, Верхнюю Бирму и Юньнань [Чебунин 2019: 23].

Во времена Чингис-хана буддизм проникал в Монголию благодаря тибетским ламам. Одно из ранних свидетельств знакомства монголов с тибетским буддизмом относится к середине XIII в. В это время Годан-хан, второй сын Угэдэя, послал монгольскую военную экспедицию в Центральный Тибет [Бобров, Худяков 2006: 191].

После завоевания Китая ханом Хубилаем (1279 г.) было образовано государство Юань, ставшее первым государственным образованием на территории Китая с династией не китайского (монгольского) происхождения [Кадырбаев 2009: 58]. Императорская власть нуждалась в новой политической идеологии, основой которой мог послужить тибетский буддизм. При дворе буддийские монахи пользовались особой поддержкой, выступали советниками монарха [Кадырбаев 2009: 59].

В результате восстания Красных повязок в 1351–1368 гг. Юаньская династия пала, и монголы отступили на исконные территории своего проживания. Монголия была поделена на наследственные улусы и вступила в период, именуемый в традиционной историографии эпохой «малых каганов» [Колесников и др. 2021: 120–121]. В это время буддизм интенсивно распространяется среди монгольского населения.

С вхождением Монголии в состав Цинской империи распространение буддизма продолжилось. Императоры маньчжурской династии считались ханами монголов и оказывали покровительство буддизму [Китинов, Лю Цян 2018: 81–82]. Они поддерживали монашеские общины и хубилганов, что в конечном счете привело к сосредоточению властных функций в руках известных религиозных иерархов и крупных монастырей. Вследствие сложившейся системы патронирования сформировалась сеть «императорских» монастырей, резиденций хубилганов и монастырей, возведенных на средства ханов, родовых общин и жителей определенных территорий [Цыремпилов 2014: 173].

Этот период характеризуется реализацией посреднической функции согдийского и уйгурского языков. Особо следует выделить уйгурскую письменность, при помощи которой монгольские народы, в том числе и буряты, познакомились с существующими в то время переводами буддийской литературы на уйгурский язык. Благодаря уйгурскому языку санскритские буддийские термины дополнили монгольские языки, при этом многие из терминов-«мигрантов» попадали в измененном виде: уйгурский язык старался адаптировать их к своей языковой системе.

«Карта путешествия» буддийских терминов в этот период выглядит таким образом: *санскритский* → *согдийский* → *уйгурский* → *монгольские языки (через старописьменный монгольский язык)*, в том числе *бурятский язык*, и *уйгурский* → *монгольские языки (через старописьменный монгольский язык)*, в том числе *бурятский язык*.

Любопытно, что некоторые буддийские лексемы, не подвергшиеся изменениям в уйгурском языке, до сих пор функционируют в бурятском языке в неизменном виде, как и в языке-источнике (санскритском языке). Например: лексема *багша* ‘учитель’ — это заимствованная из санскритского *bhikṣu* ‘учитель веры’ (бакшы), сумевшая сохранить в промежуточном уйгурском языке тот же фонетический и семантический облик *baḡṣi* (Mül, 47) (бакшы) [Владимирцов 2005: 41]. Лексема *багша* при миграции подверглась частичному изменению: значение «учитель веры» расширилось до значения «1) учитель, преподаватель, наставник; 2) высокий учитель; 3) будд. багша лама» [БРС 2006: 101].

Рассмотрим бурятскую лексему *шаби* ‘1) будд. послушник; 2) ученик’ [БРС 2008: 597]. «Карта путешествия» этого заимствования выглядит таким образом: санскр. *śrāmaṇera* ‘ученик, послушник’ → уйг. *ṣabi* ‘ученик, послушник’ → кит. *shāmi* → стпмя. *šabi* ‘послушник¹’ [Сүхбаатар 1999: 253]. Лексема *шаби* без изменений прошла через уйгурский язык, а старописьменный монгольский язык зафиксировал ее как в языке-источнике — *šabi*.

Следует отметить, что благодаря старописьменному монгольскому языку в буддийской лексике бурятского языка немало терминов уйгурского происхождения, влившихся без изменений. Например, из уйгурского языка заимствована лексема *qovga* ‘буддийская община, сонм буддийских монахов; буддийский монах’ [Владимирцов 1989: 342], которая закреплена старописьменным монгольским языком как *qubaḡa*, в бурятском языке она функционирует в таком же виде, как и в языке-источнике: *хубараг* ‘послушник (или ученик) лам’ [БРС 2008: 458].

С другой стороны, случались, конечно, и казусы. Например, буддийский уйгурский термин *ajaḡqa tekimlig* ‘оказывать почтение, почитание, почитать’ был заимствован старописьменным монгольским языком в значении «принимающий жертву чашей, в чаше», в бурятском языке он функционирует как *аяга тахимлиг* ‘буддийский священник, нищенствующий, гэлюнг’ [БРС 2006: 96]. Досадная путаница при адаптации, безусловно, возникла из-за того, что в бурятском языке и других монгольских языках функционирует лексема *аяга* ‘чаша, чашка; стакан; глубокая тарелка’ [БРС 2006: 95], тем более что в бурятском языке частотен и буддийский термин *бадар аяга* ‘чашка для подаяния’ (*шабараар хэгдэхэн, хараар шэрдэгдэхэн, горшоогшуу, дүрсэтэй эртэ урдын буддын шажантанай бадар суглуулдаг байһан аяга; бүлгэмэй гэшүүн бүхэндэ шимэ аяга байха ёһотой гэжэ Бурхан багша айладаһан*) [БРС 2008: 95]. Кстати, положение усугубила ошибка в восприятии монгольским языком значения слова *takimlig*, оно было понято как *тахил* ‘жертва; жертвоприношение; предметы подношения’ [БАМРС 2001: 203].

Что является причиной таких асимметрий — отдельный вопрос, ответ на который остается за пределами этой работы. Предстоит разобраться с разным характером адаптации заимствованных буддийских терминов в принимающем языке. Несомненно одно: большую роль в разноплановости поведения слов-мигрантов играют посреднические языки: уйгурский язык старался адаптировать слова-мигранты, подвергать их семантическим и фонетическим изменениям, а старописьменный монгольский язык бережно фиксировал и старался передавать их в монгольские языки, в том числе бурятский, без изменений. Мы склонны считать, что случай с уйгурским термином *ajaḡqa tekimlig* скорее исключение, чем правило.

¹ Перевод с монгольского языка авторов статьи.

3.2 Второй период (XVI – начало XX вв.)

Второй период распространения буддизма и проникновения заимствований растянут на несколько веков, но характеризуется более короткой стезей к принимаемому языку. Карта заимствований второго периода выглядит таким образом: *тибетский* → *монгольские языки*, в том числе *бурятский*. Отличается от первого периода прямыми заимствованиями из тибетского языка через посредничество старописьменного монгольского языка.

В этот период с середины XVII в. через миграции этнических групп из Восточной Монголии буддизм стал массово распространяться на территории Забайкалья. Необходимо отметить, что некоторые общины селенгинских монголов были знакомы с ним с XVI в., в связи с чем начало второго периода отмечаем этими сроками. Буддийские монахи кочевали вместе с кочевым населением на большие расстояния. Через них буддизм стал распространяться среди селенгинских бурят, а затем пришел к хори-бурятам [Ванчикова, Аюшиева 2019: 120–122].

Факты распространения буддизма среди населения Забайкалья зафиксированы в донесениях русских служилых людей — казачьего атамана Ивана Москвитина (1647 г.) и казачьего головы Петра Бекетова (1653 г.) [Чимитдоржиева 2009: 92–93]. О наличии «ламских юрт» в долине Селенги между речкой Хилок и Селенгинским острогом писал в своем «Путешествии через Сибирь до границ Китая» российский дипломат Николай Спафарий, когда проезжал Забайкалье по дороге в Пекин (1675–1678 гг.) [Спафарий 1960: 108]. В бурятских летописях Т. Тобоева, Д.-Ж. Ломбоцыренова и Д. Дарбаева описано прибытие в Забайкалье в 1712 г. 100 монгольских и 50 тибетских лам, которые спасались от междоусобной войны в Монголии [Бурятские летописи 1995: 170].

Первоначально последователи буддизма в Забайкалье использовали в качестве культовых сооружений княжеские молельни-юрты и разборные сумэ. В 40–50-е гг. XVIII в. началось возведение первых стационарных дацанов. В 1741 г. был основан Тамчинский (Гусиноозерский) дацан, ставший религиозным центром всех левобережных селенгинских бурят. В 1751 г. возник Цонгольский (Хилгантуйский) дацан. В 1773 г. был заложен Кудунский дацан (Даши Лхумбулинг). В 1775 г. хоринский тайша Дамба-Дугар Ринцеев основал Анинский дацан (Гандан Шаддублинг) [История Бурятии 2011: 170–171].

Царское правительство было заинтересовано в упрочении позиций России в Забайкалье и установлении контроля над зарубежными контактами местного населения. Со своей стороны, буддийское духовенство также стремилось к инкорпорации в систему государственного управления и получению официального статуса религии в Российском государстве. Поэтому в 1741 г. оно выступило с инициативой создания единой буддийской сангхи бурят-монголов Забайкалья.

Официальные власти подготовили материалы, которые вошли в знаменитый указ императрицы Елизаветы Петровны 1741 г. Современные исследователи считают, что это был не именной указ монарха, а распорядительный указ местной власти от лица императора, и издан он был в период регентства Анны Леопольдовны при малолетнем императоре Иоанне VI [Цыремпилов 2013: 60–61].

Согласно этому документу, буддизм забайкальских бурят-монголов признавался одним из вероисповеданий России, ламы выделялись в отдельное сословие и освобождались от податей, был определен штат буддийского духовенства в Бурятии в количестве 150 лам, допускалось существование 11 «ламских ка-

пищ» и пр. [История Бурятии 2011: 170]. Окончательная институционализация буддийской сангхи бурят-монголов Забайкалья происходит после утверждения императрицей Екатериной II титула Бандидо (Пандидо) Хамбо-ламы и признания Хамбо-ламой Дамба-Даржа Заяева в 1764 г. [Буряты 2004: 402].

В течение XIX – начала XX вв. происходят разработка и внедрение законодательства по управлению буддийским духовенством у бурят [Цыремпилов 2013: 92–93]. Все эти процессы интенсифицировали приобщение бурят к буддизму и новую волну заимствований в бурятский язык.

Пик активного притока в бурятский язык буддийских терминов, и устных, и письменных, приходится на это время. Безусловно, этому способствовало духовенство, основными распространителями тибетских слов являлись ламы, изучавшие религиозное учение и прикладные науки на тибетском языке [Будажанова 2012: 24–25].

Значительную роль в закреплении заимствованных буддийских слов сыграла в этот период посредническая деятельность старописьменного монгольского языка. Отметим, благодаря старописьменному монгольскому языку заимствованные тибетские лексемы сохраняют свой первоначальный облик в заимствующих монгольских языках, в том числе и в бурятском языке. Например, такие буддийские лексемы как *хадаг* ‘приветственный шарф’ (тиб. *kha dog*), *сан* ‘музыкальные медные тарелки’ (тиб. *bsangs*), *бумба* ‘ваза, кувшин, сосуд, бутылка’ (тиб. *bumba*) и др., функционирующие в современном бурятском языке, претерпели за период миграции и адаптации только незначительные фонетические изменения.

С другой стороны, при заимствовании многое зависит и от принимающей стороны. Известно, что система языка-донора потребует изменений со стороны слова-мигранта, если в этом будет необходимость. Проиллюстрируем данный факт на примере двух заимствований из бурятского языка, обозначающих монашескую степень: *хаарамба* (тиб. *lharamspa*, стпмя. *lharamba*) и *доорамбо* (тиб. *rdo-gams-ra*, стпмя. *doramba*), где оба слова обладают значением «обладающий монашеской ученой степенью». Обратим внимание, лексема *доорамбо* влилась в бурятский язык без каких-либо изменений, так как старописьменный монгольский язык до этого внес свои коррективы в фонетический облик буддийского термина, заимствованного из тибетского языка. Второе слово *lharamspa* попало в несколько другую ситуацию: старописьменный монгольский язык аккуратно его заимствовал как *lharamba*, в бурятском же языке начальное *l* пропадает. Исчезновение *l* объясняется неприятием его системой принимающего бурятского языка, у которого отсутствует в первых слогах стечение согласных *lh*, в связи с чем тибетские слова типа *лхарамба*, *Лхаса*, *Лхама* имеют соответственно варианты *хаарамба*, *хаса*, *хама*. Кстати, «Бурятско-русский словарь» учитывает данный факт и дает толкование *хаарамба* как «будд. лхарамба (ученое звание ламы, закончившего весь курс цаннид и выдержавшего экзамен-состязание перед статуей Дзу (Цзу)» [БРС 2008: 533]. Надо иметь в виду, что графема *лха* в бурятском языке читается как фарингальная *h*, на письме же сохраняется: бур. *хаса* = Лхаса (тиб. *Lha-sa*), бур. *хама* = Лхама собст. имя (тиб. *Lha-mo*).

3.3. Новейший (третий) период (конец XX – начало XXI вв.)

Политический курс на институционализацию буддизма, процесс активного вливания буддийских заимствований в монгольские языки, в частности в бурят-

ский язык, были прерваны известными революционными событиями в стране (в начале XX в.), вслед за которыми последовала череда гонений на религиозные культы, сложилась ситуация, связанная с «борьбой советской власти против буддизма и за замещение буддийского религиозного мировоззрения и традиций советской атеистической идеологией и новой нравственностью» [Амоголонова 2017: 299]. Закрылись последние дацаны, основная масса ламства была репрессирована. С 1937 по 1945 гг. в Бурятии не было официально действующих буддийских центров [Номогоева 2010: 79].

В этот непростой период буддийские термины использовались только в контексте с негативным содержанием в средствах массовой информации и художественных произведениях [Харанутова, Будажапова 2023: 66]. С 1940-х гг. ситуация начала меняться. Во время Великой Отечественной войны в Монголии начал действовать монастырь Гандантэгчэнлин (1944 г.), в Бурятии открылся Иволгинский дацан (1946 г.).

Однако подлинное возрождение буддизма в Бурятии произошло на рубеже XX–XXI вв., его в полной мере можно именовать началом новейшего периода в истории буддизма и буддийских заимствований.

В Республике Бурятия на 1 января 2019 г. зарегистрировано свыше 70 буддийских религиозных организаций, из которых около тридцати не состоят в централизованной религиозной организации (далее — ЦРО) «Буддийская традиционная сангха России», а входят в состав еще семи буддийских ЦРО, включающих общины в разных российских регионах [Бадмацыренов, Родионов 2020: 65].

Третий период обладает отличительной характеристикой, он воскрешает заимствования, воссоздает былое, возвращая забытое. Возрождение буддийских терминов дает возможность функционировать им и в религиозной сфере, и, деэтимологизовавшись, в общеупотребительном бурятском языке. Многие деэтимологизированные слова имеют деривационное развитие [Будажапова, Харанутова 2020].

Второе дыхание многочисленных буддийских терминов, полностью освоенных бурятским языком, их деривационное развитие, свидетельствует о динамике развития буддизма и значительном потенциале буддийских слов в развитии семантики. Известно, что заимствования приходят в язык-реципиент, как правило, в одном значении, тем более, если это касается терминов, в нашем случае, буддийских. Обратим внимание, при переносе в лексическую систему бурятского языка буддийские термины не только сохраняют свои специальные первичные значения, но и развивают новые, иногда переносные, значения.

Проиллюстрируем данный факт на примере заимствованной лексемы *нангин*. Это слово заимствовано из санскритского, в свое время оно проделало непростой путь: санскр. *nandin* — тиб. *nangbrten* — стпмя. *nandin / nangdin* — бур. *нангин*.

Сегодня буддийский термин превратился в полисемант, стал обладателем нескольких значений: «1) рел. святой, священный; *нангин шүтөөн*, *нангин эрдэни* святыня; *Нангин хүлдэ* Святой дух (в религии и мифологии: бесплотное сверхъестественное существо); *Нангин сударнууд* (Священное писание, признанные Православной Церковью как канонические 27 книг Нового завета и 38 книг Ветхого Завета); *нангин гэгээнтэдые шүтэлгэ* культ святых (т. е. людей, которые

посвятили свою жизнь церкви и религии, а после смерти признаны образцом праведной жизни и носителями чудодейственной силы); *нангин шүтөөнтэ газарнууд* святые места (места, связанные с представлениями о божественных деяниях, чудесах, жизни святых угодников); 2) чрезвычайно почетный и важный; священный; *нангин захяа заабари* священные заветы; *нангин зөөри* священная собственность; *үбгэ эсэгэнэрэй нангин юумэнууд* святые семейные реликвии; 3) сокровенный; *нангин нюуса* сокровенная тайна; *нангин бодолнууд* сокровенные мысли; 4) торжественный, нерушимый; *нангин үгэ* нерушимое слово (клятва)» [БРС 2006: 593].

При образовании новых слов, в которых производящим является буддийский термин, активно используется сложносоставной способ. В качестве примера можно привести слова, образованные на основе определительных словосочетаний: *гэгээн багша* ‘святой учитель’, *шара шажан* ‘желтая вера, буддизм школы гелуг’, *долоон эрдэни* ‘семь драгоценностей’, *гуутай бурхан* ‘ладанка с изображением божества’. Этот же способ используется в бурятском языке при образовании буддийских слов, связанных с ритуалами бурятской культуры [Бардамова, Харанутова 2023: 62], например, сложное слово *хиш морин* ‘будд. досл. воздушный конь (флажок с напечатанными молитвами и изображением коня)’ [БРС 2008: 422]. Отметим, что *хиш морин* является калькой с тибетского языка, *хиш морин* на тибетском языке означает: *лундаа*, что переводится как «ветер конь» [Намжилон 1996: 48].

Массовый характер вторичного вхождения некоторых буддийских терминов в бурятский язык привел к появлению обширных гнезд однокоренных слов. Буддийский термин *буян* является заимствованием из уйгурского языка (*ripua* ‘добродетель, благодеяние’, стпмя. *biuyan*), в бурятском языке, деэтимологизировавшись, он образовал словообразовательное гнездо, где наличествуют и религиозные термины, и общеупотребительные слова: *арбан сагаан буян* ‘десять благих деяний’ и *арбан хара нүгэл* ‘десять неблагих’ (учение о десяти неблагих и десяти благих деяниях)¹, *буян хуряаха* ‘совершить благодеяние (досл. благодеяние, убирать)’, *буян үйлэдэхэ* ‘совершать благодеяние (досл. благодеяние, совершать)’, *буян үйлэдэлгын* ‘прил. сост. благотворительный (напр., концерт или телевизионный марафон в пользу религии)’, *буянай* ‘будд. Благой’, *буянта*, *буянтай* ‘будд. 1) добродетельный; 2) благой, благодетельный, благотворительный’, *буянша* ‘будд. благотворитель, благодетель, человек, делающий добро’ и т. д. [БРС 2006: 161].

4. Заключение

Процесс заимствования буддийской лексики невозможно рассматривать в отрыве от процесса распространения идей буддизма. В связи с этим предлагается на основе периодов распространения буддизма у монгольских народов выделить условную периодизацию массового проникновения и распространения буддийской лексики, которая выглядит следующим образом: первый период датируется от рубежа XIII в. и XIV в. до конца XVI в., второй период датируется от XVI в. до начала XX в., третий период (новейший) — с конца XX столетия и по сегодняшний день.

¹ По буддийскому учению каждый человек должен стремиться соблюдать правила десяти благодеяний и не совершать десять черных грехов.

Как видим, нелегким был путь вхождения буддизма на территорию бурятского народа, как не был легким и путь буддийской лексики. Итак, первый период характеризуется посреднической деятельностью уйгурского языка и пересечением границ нескольких языков: санскритский — тибетский — согдийский — уйгурский и только после — монгольские языки, в частности бурятский язык. Второй период мы именуем тибетским, когда наблюдалось массовое проникновение заимствований из тибетского языка в бурятский через старописьменный монгольский язык, иногда из тибетского в монгольский язык, и только после — в бурятский язык. Все изменения семантического и фонетического порядка наблюдаются в языках-посредниках, как это произошло с уйгурским языком. Старописьменный же монгольский язык, будучи посредником, стремится сохранить и передать заимствования монгольским языкам в том виде, в каком они пересекли его границы.

Правомерность выделения третьего периода не вызывает сомнения, так как возрождение буддизма у монгольских народов на данном этапе повлекло и массовое возвращение буддийских слов. На современном этапе наблюдается процесс возрождения забытых буддийских понятий и слов. Активно проходят процессы интенсификации и деэтимологизации буддийских терминов.

Буддийская лексика, представляющая собой огромный пласт бурятского языка, вместе с буддизмом прошла непростой путь становления и упрочения, забвения и расцвета. Очевидно, что заимствование буддийских слов и терминов внесло неоценимый вклад в развитие языка, культуры и духовных ценностей бурят.

Сокращения

будд. — буддийский;
 бур. — бурятский язык;
 кит. — китайский язык;
 монг. — халха-монгольский язык;
 стпмя. — старописьменный монгольский язык;
 санскр. — санскритский язык;
 тиб. — тибетский язык;
 уйг. — уйгурский язык.

Источники

- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамбы, Г. Ц. Пюрбеева и др. Т. I. М.: Academia, 2001. 440 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамбы, Г. Ц. Пюрбеева и др. Т. IV. М.: Academia, 2002. 532 с.
- БРС 2006 — Бурятско-русский словарь. В 2 тт. / под ред. Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. 636 с.
- БРС 2008 — Бурятско-русский словарь. В 2 тт. / под ред. Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова. Т. 2. О–Я. Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. 708 с.
- Бурятский корпус — Бурятский корпус [электронный ресурс] // Режим доступа: http://buriyat.web-corpora.net/buriyat_corpus/search/interface_language=ru (дата обращения: 07 июня 2023 г.)
- Дагвадорж 1995 — *Дагвадорж Д.* Монголын шашин суртахууны тайлбар толь (= Толковый словарь монгольских религий). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академи

- философи социологийн хүрээлэн, 1995. 112 х.
- Намжилон 1996 — *Намжилон Л. Н.* Волшебные четки. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 1996. 77 с.
- Сүхбаатар 1999 — *Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь үгийн толь / О. Сүхбаатар; ред.: Д. Төмөртоогоо, Л. Хүрэлбаатар, Б. Амаржаргал. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, Хэл зохиолын хүрээлэн, 1999. 273 х.

Sources

- Buryat Corpus. Available at: URL: http://buryat.web-corpora.net//buryat_corpus/search/?interface_language=ru (accessed: 07 June 2023)
- Buryat-Russian dictionary. Ed. by L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Vol. 1. А–Н. Ulan-Ude: Rep. type., 2006. 636 p. (In Bur., Russ.)
- Buryat-Russian dictionary. Ed. by L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Vol. 2. О–Я. 2008. Ulan-Ude: Rep. type, 2008. 708 p. (In Bur., Russ.)
- Dagvadorj D. Dictionary of Mongolian religion and morality. Ulaanbaatar, 1995. 112 p. (In Mong.)
- Namzhilon L. N. Magic rosary. Ulan-Ude: BSU, 1996. 77 p. (In Bur.)
- Pyurbеev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. I: А–Г. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. IV: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Sukhbaatar O. Dictionary of Mongolian foreign words / O. Sukhbaatar; ed. D. Tumurtogoo, L. Khurelbaatar, B. Amarjargal. Ulaanbaatar, 1999. 273 p. (In Mong.)

Литература

- Амоголонова 2017 — *Амоголонова Д. Д.* Буддизм и власть в Бурятии в раннесоветский период // Мир Центральной Азии. Сб. науч. ст. Ч. 4 / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2017. С. 299–344.
- Бадмацыренов, Родионов 2020 — *Бадмацыренов Т. Б., Родионов В. А.* Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1(38). С. 62–85.
- Бардамова, Харанутова 2023 — *Бардамова Е. А., Харанутова Д. Ш.* Пустота в пространстве лингвокультурных ценностей (на материале бурятского языка) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 4. С. 59–65.
- Бобров, Худяков 2006 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Монгольские влияния на военное дело тибетцев в позднем средневековье и начале нового времени (XIII–XVIII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 188–234.
- Будажанова 2012 — *Будажанова Л. Б.* Буддийские термины в современном бурятском языке / отв. ред. Э. Р. Раднаев. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2012. 104 с.
- Будажанова, Харанутова 2020 — *Будажанова Л. Б., Харанутова Д. Ш.* Детерминоло-гизация в бурятском языке (на материале заимствованных буддийских терминов) // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 4(48). С. 54–59.
- Будажанова, Харанутова 2023 — *Будажанова Л. Б., Харанутова Д. Ш.* Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках // Социолингвистика. 2023. № 2(14). С. 64–78.
- Бурятские летописи 1995 — Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук СО РАН, 1995. 199 с.
- Буряты 2004 — Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. 633 с.
- Ванчикова 2019 — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. Иркутск: Отгиск, 2019. 292 с.
- Ванчикова, Аюшиева 2019 — *Ванчикова Ц. П., Аюшиева И. Г.* К истории формирования

- буддийских монашеских общин среди монголоязычных народов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 120–124.
- Владимирцов 1989 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. М.: Наука. ГРВЛ, 1989. 449 с.
- Владимирцов 2005 — *Владимирцов Б. Я.* Работы по монгольскому языкознанию / редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2005. 951 с.
- Жамбал-Сурэн 1961 — *Жамбал-Сурэн Н.* Тибетские слова в монгольском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1961. 19 с.
- История Бурятии 2011 — История Бурятии в 3 тт. Т. II. XVII – начало XX в. / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
- Кадырбаев 2009 — *Кадырбаев А. Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае. 2009. Т. 39. № 1. С. 56–75.
- Китинов, Лю Цян 2018 — *Китинов Б. У., Лю Цян.* К вопросу о раннем взаимодействии маньчжурских правителей и тибетских лам // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 1. С. 79–85.
- Колесников и др. 2021 — *Колесников И. Н., Каспарян К. В., Неженцева О. Н., Шевченко Е. М.* Китай в эпоху становления и расцвета династии Мин (1368–1505 гг.) // Вопросы истории. 2021. № 6-2. С. 118–129.
- Номогоева 2010 — *Номогоева В. В.* Бурятский буддизм: традиции просвещения и советская власть // Власть. 2010. № 7. С. 77–80.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев 1960 — *Санжеев Г. Д.* Современный монгольский язык. М.: Вост. лит., 1960. 102 с.
- Спафарий 1960 — *Спафарий Н. М.* Сибирь и Китай. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1960. 514 с.
- Харанутова, Будажапова 2023 — *Харанутова Д. Ш., Будажапова Л. Б.* Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках // Социолингвистика. 2023. № 2(14). С. 64–78.
- Цыремпилов 2013 — *Цыремпилов Н. В.* Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. 335 с.
- Цыремпилов 2014 — *Цыремпилов Н. В.* От символьного альянса к политической гегемонии. Цинская империя и тибето-монгольская буддийская община в XVII–XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 173–176.
- Чебунин 2019 — *Чебунин А. В.* Начальный период проникновения, распространения и китаизации буддизма в Китае // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. Вып. 2. С. 21–30.
- Чимитдоржиева 2009 — *Чимитдоржиева Л. Ш.* Буддизм у монгольских племен в XVII веке (по архивным материалам) // Вестник Бурятского университета. 2009. № 8. С. 90–95.

References

- Amogolonova D. D. Buddhism and Power in Buryatia in the Early Soviet period. The World of Central Asia Collection of Scientific Articles. Ch. 4. Scientific ed. by B. V. Bazarov. Irkutsk: Ottisk, 2017. Pp. 299–344. (In Russ.)
- Badmatsyrenov T. B., Rodionov V. A. Buddhist Revival and the Construction of the Buddhist Community in Modern Buryatia. *Gosudarstvo, Religii, tserkov' v Rossii izarubezhom*. 2020. No. 1(38). Pp. 62–85. (In Russ.)

- Bardamova Ye. A., Kharanutova D. Sh. Emptiness in the Space of Linguistic and Cultural Values (based on the material of the Buryat language). *BSU Bulletin. Series "Philology"*. 2023. No. 4. Pp. 59–65. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Hudjakov Ju. S. Mongolian Influences on Tibetan Military Affairs in the Late Middle Ages and Early Modern Times (XIII–XVIII centuries). *Vestnik NSU. Series "History. Philology"*. 2006. Vol. 5. No. 3. Pp. 188–234. (In Russ.)
- Budazhapova L. B. Buddhist Terms in the Modern Buryat Language. Ed. by E. R. Radnaev. Ulan-Ude: Buryat State University, 2012. 104 p. (In Russ.)
- Budazhapova L. B., Kharanutova D. Sh. Determinologization in the Buryat Language (based on borrowed Buddhist terms). *Bulletin of Kalmyk University*. 2020. No. 4(48). Pp. 4–59. (In Russ.)
- Budazhapova L. B., Kharanutova D. Sh. Borrowed Buddhist Vocabulary in Mongolian Languages. *Sociolinguistics*. 2023. No. 2(14). Pp. 64–78. (In Russ.)
- Buryat Chronicles. By Sh. B. Chimitdorzhiev, Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude: RAS, Buryat Institute of Social Sciences, 1995. 199 p. (In Russ.)
- Buryats. Ed. L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaja. Moscow: Nauka, 2004. 633 p. (In Russ.)
- Chebunin A. V. Initial Period of Penetration, Distribution, and Sinicization of Buddhism in China. *BSU Bulletin. Series "Philosophy"*. 2019. No. 2. Pp. 21–30. (In Russ.)
- Chimitdorzhieva L. Sh. Buddhism of the Mongolian People in the 17th Century (on the archival materials). *BSU Bulletin*. 2009. No. 8. Pp. 90–95. (In Russ.)
- Kadyrbaev A. Sh. Kublai Khan — Conqueror or Unifier of China? *Society and state in China*. 2009. Vol. 39. No. 1. Pp. 56–75. (In Russ.)
- Kharanutova D. Sh., Budazhapova L. B. Borrowed Buddhist Vocabulary in Mongolian Languages. *Sociolinguistics*. 2023. No. 2(14). Pp. 64–78. (In Russ.)
- Kitinov B. U. Qiang Liu. On the Issue of the Early Interactions of the Manchu Rulers with Tibetan Lamas. *Vestnik RUDN*. 2018. Vol. 10. No. 1. Pp. 79–85. (In Russ.)
- Kolesnikov I. N., Kasparjan K. V., Nezhenceva O. N., Shevchenko E. M. China in the Era of the Formation of Heyday of the Ming Dynasty (1368–1505). *Voprosy Istorii*. 2021. No. 6-2. Pp. 118–129. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. Buryat Buddhism: Traditions of Enlightenment and Soviet Power. *Vlast'*. 2010. No. 7. Pp. 77–80. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in Connection to the Attitude of the Latter to the People. (Series "Our Heritage"). Reprint edition. Elista: Kalmykia Book Publ, 1993. 512 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of the Mongolian Languages. Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1953. 240 p. (In Russ.)
- Sanjeev G. D. Modern Mongolian Language. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 102 p. (In Russ.)
- Spafarius N. M. Siberia and China. Chisinau: Kartya Moldovenyaske, 1960. 514 p. (In Russ.)
- The History of Buryatia in 3 vols. Vol. II. XVII – the beginning of the XX century / ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude: BNC SB RAS, 2011. 624 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. Buddhism and Empire: the Buryat Buddhist Community in Russia (XVIII – early XX century). Ulan-Ude: Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the RAS, 2013. 335 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. From Symbolic Alliance to Political Hegemony. The Qing Empire and Tibeto-Mongolian Buddhist Community in the 17–19th c. *BSU Bulletin. Series "History"*. 2014. No. 8. Pp. 173–176. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries. Irkutsk: Imprint, 2019. 292 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Ayushieva I. G. On the History of Buddhist Monastic Communities Formation Among Mongolian Peoples. *Tomsk State University Journal*. 2019. No. 444. Pp. 120–124. (In Russ.)

- Vladimirtsov B. Ya. Comparative Grammar of the Mongolian Written Language and the Khalkha Dialect. Introduction and Phonetics. 2nd edition. Moscow: Nauka, GRVL, 1989. 449 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Works on Mongolian Linguistics / ed. board: V. M. Alpatov (prev.) and others; comp. G. I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. 951 p. (In Russ.)
- Zhambal-Suren N. Tibetan Words in the Mongolian Language. Cand. diss. (Philology) thesis. Moscow, 1961. 19 p. (In Russ.)